

С КАФЕДРЫ ПРЕЗИДИУМА РАН

Высокий уровень социально-экономического неравенства в нашем обществе – признанный факт. Однако его интерпретация и предлагаемые способы преодоления пока не находят однозначного решения. Между тем, как показано в предлагаемой читателям статье, неравенство напрямую влияет на перспективы экономического и демографического развития России, является важным фактором, ограничивающим подъём страны. Автор развивает идеи, изложенные им в минувшем году на страницах нашего журнала (“Вестник РАН”, 2007, № 3). В основу статьи положено сообщение, с которым А.Ю. Шевяков выступил на заседании Президиума РАН.

НЕРАВЕНСТВО И ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

А. Ю. Шевяков

Социальная политика, несмотря на повышенное внимание к ней в последнее время и заметные сдвиги в её финансировании, всё ещё продолжает строиться по остаточному принципу. Не имея адекватной теории и методологии оценки взаимовлияния экономических, социальных и демографических показателей, правительство вынуждено искать решение социальных проблем путём “простых”, точечных мероприятий. Вследствие непонимания того, насколько мощное обратное воздействие на экономическую и демографическую динамику оказывает социально-экономическая дифференциация населения, государственная политика носит несистемный, лоскутный характер.

Средние показатели роста реальных доходов населения ничего не говорят о благосостоянии различных его слоёв. Позитивная динамика этих показателей сопровождается социальной поляризацией общества вследствие форсированного роста самых высоких доходов и зарплат, концентрация которых не только не уменьшилась в последние годы, а продолжала нарастать (рис. 1).

В результате реформ в России выиграли только 20% наиболее обеспеченного населения (9-я и 10-я децильные группы). Причём в 2006 г. доходы 9-й децильной группы увеличились по отноше-

нию к прожиточному минимуму по сравнению с 1990 г. только на 16%, а 10-й группы (самой богатой) выросли за тот же период двукратно! Замечу, что с 2000 по 2006 г. ВВП России вырос на 58%, тогда как доходы верхней группы относительно прожиточного минимума – на 72%. Население со средними (близкими к медиане) доходами не только не разбогатело, но даже не восстановило уровень благосостояния 1990 г., а наименее обеспеченные группы оказались за чертой абсолютной бедности.

Высокие доходы самых состоятельных слоёв вовсе не означают, что столь же высока продуктивность экономики или что она будет расти соответственно увеличению этих доходов. Последние, кстати, росли неравномерно, тем не менее среднегодовые темпы прироста реальных доходов 10% наиболее обеспеченных в 2000-е годы на 24% превышали динамику ВВП. Это означает, что отдельные группы населения имеют институциональные преимущества, перетягивают эффект экономического роста на себя. Таким образом, речь идёт не о недостатке ресурсов, а об институциональных дефектах системы.

Вместе с тем последние исследования, проведённые в ИСЭПН РАН, вскрыли новые, неизвестные до настоящего времени закономерности влияния социально-экономических условий на экономический рост, демографическую динамику и качество человеческого капитала. Количественная оценка эффектов взаимодействия социальных и экономических факторов и построение эконометрических моделей является важным и абсолютно новым результатом разработанной теории и методологии анализа влияния неравенства на экономическую и демографическую динамику.

Предложенные структурные индексы неравенства и бедности в отличие от традиционных

ШЕВЯКОВ Алексей Юрьевич – доктор экономических наук, директор Института социально-экономических проблем народонаселения РАН.

соци
жизн
экон
ляем
стра
экон
годь
тенд
85–9
высо

Э
пред
нас
жен
ства
расп
лени
номи
ации
улуч
проб

П
прес
чите
лени
день
насел
сител
ловес
сиян
возм
номи
турни

Н
терп
гипот
соци
отве
гран
соот
ценн
гран
сужа
щеп
опре
ко и
или
демо
юще
ход
что
выпо
огра

Эта
Амар
разл
делён
альн

социально-экономических показателей уровня жизни демонстрируют устойчивую взаимосвязь с экономическими и демографическими показателями, что позволяет сформулировать магистральное направление мероприятий социально-экономической политики. Анализ статистики за годы реформ свидетельствует, что изменения тенденций рождаемости и смертности в России на 85–90% обусловлены избыточным неравенством и высокой относительной бедностью населения.

Эффективное воздействие на эти факторы предполагает принципиально иной, чем обычно у нас практикуется, подход: прежде всего он должен быть ориентирован на снижение неравенства, то есть на институциональные изменения в распределительных отношениях и перераспределение ресурсов, а не на ресурсные вливания. Экономический рост при неубывающей дифференциации доходов может привести лишь к некоторому улучшению ситуации, но не позволит решить проблему принципиально.

Почему в России народ живёт плохо? Богатые пресыщены, высокие доходы используются в значительной мере на потребление (включая накопление непродуцированной собственности) или деньги вывозятся за рубеж, в то время как 80% населения страны получает слишком мало относительно прожиточного минимума. А значит, человеческий и трудовой потенциал этой части россиян используется неэффективно, люди не имеют возможности полноценно осуществлять свои экономические, социальные, демографические и культурные функции.

Наш подход исходит из функциональной интерпретации эффектов неравенства и основан на гипотезе, что *различным видам экономического, социального и демографического поведения соответствуют определённые функциональные границы, или пороговые уровни доходов*: чтобы соответствующая модель поведения была полноценно осуществима, необходимо преодолеть эти границы¹. Если говорить более подробно, то, сужая контекст от общей обеспеченности до общепринятого показателя доходов, мы должны определить границу дохода, выше которой только и возможно полноценное осуществление той или иной функции – экономической, социальной, демографической (репродуктивной её составляющей либо продолжительности жизни) и т.д. Доход ниже функциональной границы не означает, что соответствующая функция вообще не может выполняться: в этом случае она реализуется в ограниченных пределах. В статистическом смыс-

¹ Эта идея развивает теорию человеческих возможностей Амартии Сену, в соответствии с которой осуществимость различных видов человеческих функций зависит от определённых порогов, или функциональных границ материальной обеспеченности.

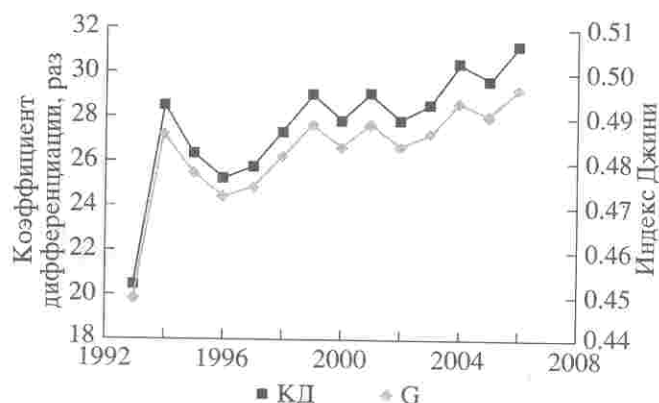

Рис. 1. Динамика коэффициента дифференциации (КД) и индекса Джини (G), 1993–2006 гг.

ле это означает, что функция выполняется редко и с меньшими интенсивностью и успехом, чем это было бы, если бы доход превышал пороговый уровень.

Но у этой проблемы есть и обратная сторона. Дело в том, что рост дохода за функциональной границей увеличивает способность к выполнению функции до определённого предела. Иными словами, максимальная продуктивность достигается по мере преодоления функциональной границы, но при существенном её превышении приращения не происходит.

Возникает необходимость идентификации функциональных границ по статистическим данным. Решение этого вопроса связано с разделением наблюдаемого неравенства доходов на нормальное и избыточное (с точки зрения выполнимости той или иной функции). О *нормальном неравенстве* речь может идти в том случае, если доходы всех слоёв населения оказываются не ниже функциональной границы, а высокие доходы остаются неизменными. *Избыточное неравенство* определяется как разность между фактическим и нормальным неравенством: $G = GN + GE$ (табл. 1).

Понятие функциональной границы предполагает, что перераспределение доходов, при котором общее неравенство сокращается, а разность

Таблица 1. Структура неравенства

Общее неравенство (G)	Поляризация (P)	Концентрация (C)
Нормальное неравенство (GN)	Нормальная поляризация (PN)	Нормальная концентрация (CN)
Избыточное неравенство (GE)	Избыточная поляризация (PE)	Избыточная концентрация (CE)

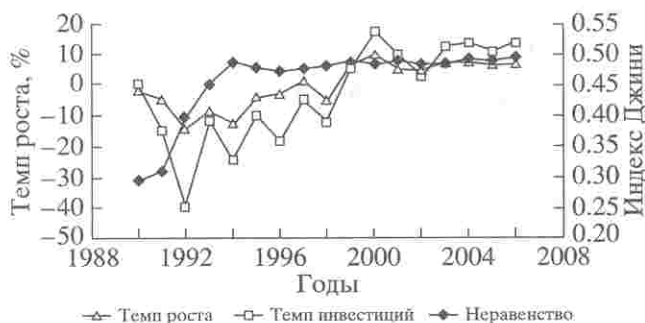

Рис. 2. Динамика роста экономики, объёмов инвестиций (левая шкала) и неравенства доходов (правая шкала)

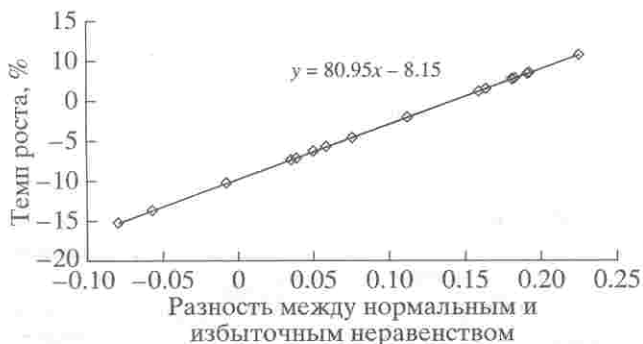

Рис. 3. Зависимость темпов роста ВВП РФ от соотношения (разности) между нормальным и избыточным неравенством, 1990–2006 гг.

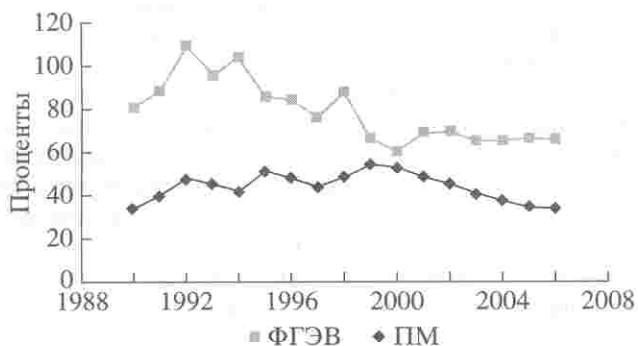

Рис. 4. Динамика функциональных границ по экономическим возможностям (ФГЭВ) и прожиточного минимума (ПМ), % к среднему доходу

между нормальным и избыточным неравенством возрастает, влечёт за собой повышение совокупного объёма реализации рассматриваемой функции.

Чтобы выявить функциональные границы, необходимо проделать обратную процедуру. По заданному ряду показателей неравенства (индексы Джини) и показателей выполнения выделенной функции нужно разложить переменную общего неравенства на сумму переменных нормального и

избыточного неравенства (с учётом требуемых теоретических свойств) и далее вычислить функциональные границы, которым соответствует нормальное и избыточное неравенство в каждом наблюдении. Благодаря такому разложению связь между неравенством и макроэкономическими демографическими показателями приобретает окончательную ясность, то есть удаётся решить задачу, которую ставили многие исследователи.

Рассмотрим применение разработанного аналитического подхода более подробно.

НЕРАВЕНСТВО И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ

Динамика темпов роста (в 90-е годы – спад ВВП России и объёмов инвестиций, а также неравенства доходов в период с 1990 по 2006 г. показана на рисунке 2. Как видим, темпы экономического роста очень слабо положительно коррелируют с показателями неравенства доходов, как по нашим оценкам, так и по оценкам Росстата. Напротив, темпы изменения объёмов вложений тесно связаны с темпами экономического роста и детерминируют 91% их вариации по годам. С традиционной точки зрения этот факт подтверждает, что инвестиции в значительной степени определяют экономический рост. Однако мы покажем, что и экономический рост, и увеличение объёмов инвестиций объясняются структурными изменениями неравенства в распределении доходов, причём регулирование сферы распределения может способствовать повышению обоих этих показателей.

Мы пользуемся разложением неравенства на нормальную и избыточную составляющие в соответствии с функциональной границей уровня доходов (доходы ниже этой границы тормозят экономический рост, а выше неё – его ускоряют). Первый шаг состоит в том, что по заданной динамике неравенства доходов и темпов роста ВВП мы раскладываем индексы Джини в сумму показателей нормального и избыточного неравенства таким образом, чтобы выполнялась зависимость, показанная на рисунке 3. Эта зависимость служит для определения нормального и избыточного неравенства доходов. Разложение позволяет оценить по каждому году границу доходов, соответствующую нормальному неравенству (то есть все доходы ниже функциональной границы повышены до её уровня, а более высокие доходы оставлены неизменными). В этом случае избыточное неравенство равно разности между фактическим и нормальным неравенством. На рисунке 4 показана динамика функциональных границ по экономическим возможностям в сопоставлении с принятым ныне прожиточным минимумом.

Функциональную границу² экономических возможностей можно интерпретировать как уровень относительной бедности, который разделяет население на две группы. Группа с доходами ниже этого уровня не имеет функциональных возможностей продуктивно способствовать экономическому росту, более того, создаёт “деструктивный навес”, понижающий продуктивность экономики в целом. Группа с доходами выше этого уровня в принципе способна внести вклад в экономический рост, но в качестве сдерживающего фактора выступают ограничения спроса.

Избыточное неравенство доходов является системной характеристикой экономических и социальных дисфункций. В принципе оно должно снижаться по мере экономического роста, но в 2002–2004 гг. его доля в общем неравенстве – около 30%, что слишком много, – практически стабилизировалась. В то же время, по нашим расчётам, при снижении избыточного неравенства на 1% темп экономического роста повышается примерно на 5% (0.33 процентного пункта), а темп роста инвестиций повышается на 6.2% (0.67 процентного пункта).

Чтобы наглядно объяснить, как можно понизить избыточное неравенство за счёт перераспределения доходов между отдельными группами населения, рассмотрим три сценария государственного управления распределением доходов, используя фактические данные за 2000-е годы. Все варианты предполагают существенное сокращение избыточного неравенства при сохранении достаточно высокого уровня нормального неравенства. В первом случае это достигается путём перераспределения доходов между группами населения без каких-либо дополнительных расходов государства. Во втором и третьем вариантах половина средств, необходимых для улучшения положения низкодоходных групп, обеспечивается государством, а другая половина – за счёт прогрессивного налога на высокие доходы состоятельного населения. Первый и второй сценарии обеспечивают снижение коэффициента дифференциации доходов до 7–7.4, третий сценарий – до 10–10.1.

В каждом из вариантов определяется пороговый уровень доходов, который служит точкой отсчёта для разработки схемы налогов и дотаций и, как правило, отличается от функциональной границы по экономическим возможностям. Лицам с доходом ниже порогового уровня выплачивается доля (одна и та же для всех) разности между пороговым уровнем и фактическим доходом. Лица с доходом выше порогового уровня облагаются налогом, равным фиксированной доле разности

² По нашим расчётам, функциональная граница составляла после 2000 г. от 69% среднедушевого дохода по стране (2001) до 66% (2006).

Таблица 2. Фактические и сценарные темпы экономического роста

Годы	Темпы роста ВВП, %			
	Фактический	Вариант 1	Вариант 2	Вариант 3
2000	10.0	14.3	16.5	14.2
2001	5.1	9.1	11.6	9.5
2002	4.7	8.8	11.2	9.0
2003	7.3	11.1	13.7	11.4
2004	7.2	11.5	14.0	11.7
2005	6.4	10.6	13.3	10.9
2006	6.7	11.2	13.8	11.5

между фактическим доходом и пороговым уровнем. Для полученного после взимания налогов и выплаты дотаций распределения доходов вычисляются общее, нормальное и избыточное неравенство в соответствии с заданной функциональной границей доходов по экономическим возможностям. Далее по этим данным вычисляются темпы экономического роста, и все параметры (пороговый уровень, доля компенсаций и налоговых выплат) выбираются так, чтобы достигнуть максимального экономического роста.

В соответствии с первым сценарием перераспределяются 8.2–9.6% суммарных доходов населения, а лицам с доходом ниже порогового уровня компенсируется 60–65% разницы между пороговым уровнем и фактическим доходом.

В соответствии со вторым – суммарные компенсации составляют 10–12% совокупных доходов населения (из них за счёт налогов покрывается половина, то есть 5–6%). При этом лицам с доходами ниже порогового уровня компенсируется 50–65% разницы между пороговым уровнем и фактическим доходом. Увеличение объёма компенсаций, по сравнению с первым сценарием, объясняется более высоким пороговым уровнем и, соответственно, более широким кругом получающих компенсации.

По третьему сценарию на компенсации расходуется 6.9–9.1% совокупных доходов населения (из них половина покрывается налогами). Лицам с доходами ниже порогового уровня компенсируется от 25 до 37.5% разности между пороговым уровнем (самый высокий из трёх вариантов) и фактическим доходом. Хотя с точки зрения темпов экономического роста второй сценарий представляется наиболее эффективным (табл. 2), преимущество третьего варианта состоит в том, что он предполагает меньшее вмешательство государства в экономику.

Таблица 3. Эффект компенсации недостатка доходов (положительные числа) и налоги (отрицательные числа), % к фактическим среднедушевым доходам по децильным группам населения, 2006 г.

Децильные группы	Вариант 1	Вариант 2	Вариант 3
Первая	273.0	299.8	183.6
Вторая	85.8	97.8	66.7
Третья	51.6	60.8	45.3
Четвёртая	31.4	39.1	32.7
Пятая	14.8	21.1	22.3
Шестая	1.0	6.3	13.7
Седьмая	-5.5	-2.8	1.1
Восьмая	-8.7	-5.0	-2.5
Девятая	-12.2	-7.3	-5.6
Десятая	-15.5	-9.5	-8.6
Компенсруемая доля недостаю- щего дохода	0.65	0.65	0.275
Объём компенса- ций, % от суммар- ных доходов	9.6	11.6	9.1
Объём компенса- ций за счет подо- ходного налога, % от суммарных доходов	9.6	5.8	4.6

Рассмотрим возможные эффекты налогов и компенсаций по децильным группам населения. Чтобы не загромождать изложение, ограничимся оценками по данным за 2006 г. (табл. 3). В первых двух вариантах прогрессивным налогом облагаются доходы 40% наиболее обеспеченного населения (7–10 децильные группы), а остальные 60% получают компенсацию – 65% разности между пороговым уровнем и фактическим доходом. Максимальный налог в верхней (10-й) децильной группе составляет, соответственно, 15.5% и 9.5%. По третьему варианту налогами облагаются только три верхние децильные группы, причём налоги здесь ниже, чем по первому и второму сценариям (максимум – 8.6%). В принципе налоговые нагрузки во всех вариантах вполне приемлемы (достаточно сравнить их с прогрессивными подоходными налогами в западных странах), а экономический эффект сокращения неравенства весьма значителен.

Если бы политика государственного регулирования распределения доходов систематически проводилась в 2000–2006 гг., при всех трёх сценариях ВВП был бы существенно выше фактического: в 2006 г. по первому варианту на 30.8%, по третьему – на одну треть, а по второму – на 52.9%.

Таким образом, следуя любому из трёх сценариев снижения неравенства, коэффициент дифференциации доходов удастся уменьшить до 7–10, несмотря на сохранение достаточно высокого уровня нормального неравенства. При этом налоговые нагрузки затрагивают только высокодоходные группы населения и в любом случае не выходят за границы ставок прогрессивного подоходного налога в западных странах.

НЕРАВЕНСТВО И ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА

Если говорить о взаимосвязи структурных компонентов неравенства с демографическими показателями, то здесь эконометрический анализ позволил дать чёткую статистическую оценку роли и механизмов воздействия социально-экономического неравенства и бедности на рождаемость и смертность.

Социально-демографическое поведение населения слабо связано с уровнем жизни как таковым. Различия демографических показателей в пространственном разрезе – по странам мира и по регионам России – не имеют прямых объяснений с точки зрения общих показателей благосостояния, зависимость коэффициентов рождаемости и смертности в России от реального уровня доходов оказывается слабой.

Связь между социально-экономическими факторами и демографическими показателями опосредована психологическими реакциями людей и вытекающими из этих реакций поведенческими установками. Отношение к собственному здоровью и здоровью других людей, к браку и семье, репродуктивное поведение и просто желание жить определяются не уровнем обеспеченности человека, а тем, какое положение в обществе он занимает, в том числе в распределении общественного богатства, как он оценивает возможности это положение изменить или удержать. На рисунке 5 показано изменение функциональных границ дохода на душу населения в сопоставлении с динамикой официального прожиточного минимума. Эти границы точно объясняют динамику рождаемости и смертности в России.

Напомним, что в нашем случае прожиточный минимум – это граница абсолютной бедности; но наряду с абсолютной существует понятие относительной бедности. В западноевропейской статистике (Luxembourg Income Study Project) граница относительной бедности определяется как доля (0.6) от среднего дохода или медианы в наблюдаемом распределении доходов. Такое понимание концептуально приемлемо в условиях низкого неравенства доходов, типичного для стран Западной Европы, когда медиана и среднедушевой доход

мало отличаются друг от друга. Однако с функциональной точки зрения граница относительной бедности должна определяться как доля от среднедушевого дохода, который при высоком неравенстве существенно выше медианного дохода. Именно это мы и делаем в наших оценках, где функциональные границы по рождаемости и смертности можно интерпретировать как границы относительной бедности, которые показывают минимально необходимый социально-экономический уровень, позволяющий реализовать соответствующие функции.

Динамика коэффициентов рождаемости и смертности с высокой степенью статистической значимости коррелирует с показателями избыточного неравенства, которые можно интерпретировать как индексы бедности по соответствующим функциональным границам (рис. 6). Таким образом, ситуация с рождаемостью в России обусловлена относительной бедностью, то есть социально-экономическими возможностями репродуктивного поведения. А избыточная смертность обусловлена относительной бедностью, связанной с возможностями социально-экономической адаптации населения. В среднем при снижении избыточной компоненты индекса Джини на величину 0.1 рождаемость увеличивается примерно на 2 промилле, а смертность снижается примерно на 3 промилле. На рисунке 7 показана динамика коэффициента смертности в сопоставлении с динамикой избыточного неравенства по адаптивным возможностям.

На модельном уровне теория функциональных границ позволяет описать механизм перехода от депопуляции к естественному росту населения за счёт снижения избыточного неравенства доходов. Функциональные границы по рождаемости и смертности в процентном отношении к среднедушевому доходу и к величине прожиточного минимума подвижны в зависимости от изменений неравенства доходов. Это обстоятельство играет принципиальную роль в прогнозировании эффектов экономической и социальной политики. По нашим расчётам, при возрастании дохода 10% наиболее обеспеченных групп на 1% (в реальном выражении) функциональная граница по смертности также возрастает на 1%, тогда как граница по рождаемости – только на 0.6% (но всё же возрастает). Именно этим объясняется установленный факт, что в конце 90-х годов граница по рождаемости была выше границы по смертности, а в 2000-х годах, когда неравенство стало увеличиваться, соотношение изменилось на противоположное. Поэтому после 2000 г. возникла парадоксальная ситуация одновременного роста рождаемости и смертности.

Уменьшение концентрации доходов у наиболее обеспеченных групп влечёт за собой пониже-

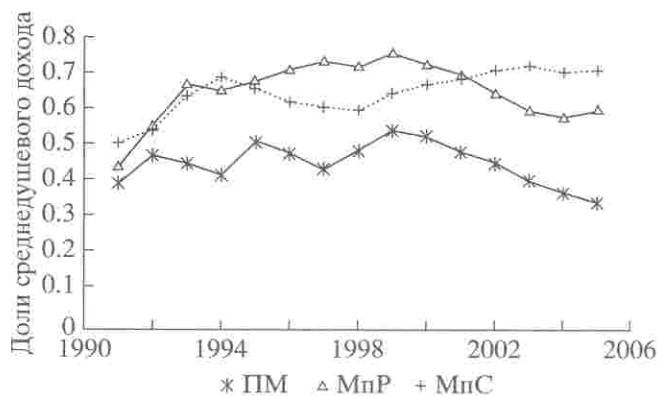

Рис. 5. Функциональные границы как доли среднедушевого дохода населения России

ПМ – прожиточный минимум по оценке Росстата; 2005 г. – наша оценка; МпР – минимум по рождаемости – функциональная граница дохода на душу населения, при которой коэффициент рождаемости пропорционален разности между нормальным и избыточным неравенством доходов; МпС – минимум по смертности – функциональная граница дохода на душу населения, при которой коэффициент смертности пропорционален разности между избыточным и нормальным неравенством доходов

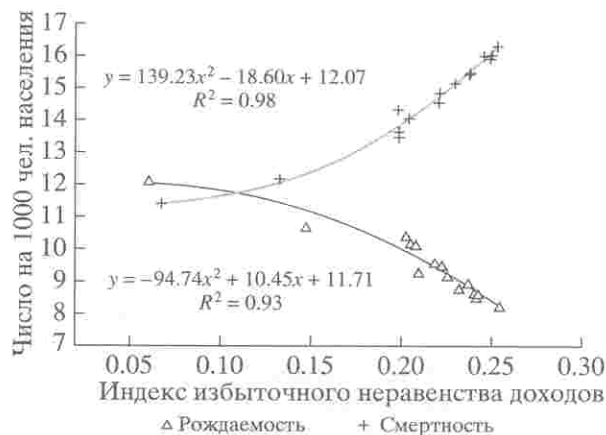

Рис. 6. Зависимость рождаемости и смертности в России (1991–2005) от избыточного неравенства доходов по соответствующей функциональной границе

Рис. 7. Динамика смертности (1991–2005) и доля избыточного неравенства по соответствующей функциональной границе в общем неравенстве

Таблица 4. Эффект перераспределения доходов в сочетании с эффектами экономического роста

Темп роста ВВП, %	Покрытие дефицита доходов, %	Ставка налога, %	Доля перераспределяемых доходов, %	Коэффициент дифференциации	Рождаемость, ‰	Смертность, ‰	Естественный прирост
0	60	14	7.6	8.1	12.9	10.2	2.7
10	70	12.5	7.2	8	13.2	9.9	3.3
20	70	9.9	5.9	8.8	13.4	9.6	3.8
30	70	7.8	4.9	9.7	13.6	9.4	4.2
40	70	6.3	4	10.5	13.7	9.2	4.5
50	70	5.2	3.5	11.3	13.8	9.1	4.7

ние обеих функциональных границ и одновременно с общим сокращением неравенства способствует вытеснению избыточного неравенства нормальным. Наша функциональная модель в этом случае показывает рост рождаемости и снижение смертности. Поэтому некоторое перераспределение доходов – это способ *принципиального решения демографических проблем*. В таблице 4 суммированы основные результаты применения функциональной модели.

Перераспределять доходы можно разными способами. Для нашего модельного эксперимента мы выбрали схему, которая, с одной стороны, непосредственно привязана к функциональной модели, а с другой – предельно проста. В качестве точки отсчёта мы приняли функциональную границу по рождаемости. В случае, когда подушевой доход превышает эту границу, разность между ним и функциональной границей облагается “демографическим налогом” по ставке, указанной в третьем столбце таблицы 4. Собранный благодаря налогу сумма перераспределяется между теми, чей доход ниже функциональной границы пропорционально разнице между границей и доходом. Мы называем эту разницу *дефицитом дохода*. Очевидно, что “демографический налог” является прогрессивным: в процентном отношении к доходу он тем выше, чем больше разность между доходом и функциональной границей и практически равен нулю, если доход близок к границе.

Покрытие дефицита дохода (второй столбец табл. 4) – это доля разности между функциональной границей и доходом в том случае, когда доход ниже границы. Покрытие дефицита регулируется ставкой налога. *Доля перераспределяемых доходов* (четвёртый столбец) отражает отношение суммы налогов к сумме доходов населения. *Коэффициент дифференциации* в пятом столбце – это соотношение доходов 10% наиболее и наименее обеспеченного населения после вычета “демографического налога” и социальных трансфертов. *Коэффициенты рождаемости, смертности и естественного прироста населения* рассчитаны на основе выявленной статистической их зависи-

мости от разности между нормальным и избыточным неравенством по соответствующим функциональным границам. При этом учитывается эффект снижения этих границ вследствие ослабления концентрации доходов после их перераспределения.

Один из наиболее интересных результатов, показанных в таблице 4, состоит в том, что *полное покрытие дефицита доходов не оптимально с точки зрения демографического эффекта* (как, впрочем, и экономического роста). Оптимальное покрытие дефицита доходов составляет 60–70%. Более существенное покрытие дефицита предполагает увеличение налогов; при этом нормальное неравенство доходов снижается сильнее, чем избыточное. Оптимальное с точки зрения воспроизводства населения неравенство соответствует коэффициенту дифференциации от 8 до 11.3. Его достижение зависит от роста доходов и тем выше, чем выше реальный уровень доходов.

Оптимальное перераспределение доходов по описанной схеме в текущей ситуации (без учёта эффекта роста) обеспечило бы годовой естественный прирост населения на 2.7 промилле. Экономический рост усиливает эффект перераспределения доходов с 3.3 промилле естественного прироста населения при 10-процентном росте реальных доходов до 4.7 промилле при полуторакратном увеличении доходов. Таким образом, сочетание перераспределения доходов и экономического роста позволяет принципиально решить демографические проблемы современной России. Наиболее эффективным вариантом перераспределения доходов соответствует структура налогов и трансфертов по децильным группам, представленная в таблице 5.

Подчеркну, что сам по себе рост реальных доходов населения темпами, отмечавшимися в 2000–2006 гг., не позволит решить проблему для популяции. Но в сочетании с перераспределением доходов с целью сокращения неравенства уровня, соответствующего коэффициенту дифференциации доходов 7.1, эта проблема успешно решается. Однако за счёт эффекта демографических волн рост численности населения к 2050

будет не таким большим, как в оценках по агрегированным данным без учёта динамики половозрастного состава населения. Более точная модель показывает, что наилучший эффект по критерию естественного прироста достигается, когда всем группам с душевым доходом ниже 50% среднестатистического уровня компенсируется 80% разницы между половиной среднего по стране дохода на человека и фактическим доходом.

Мы рассмотрели два варианта финансирования такой компенсации. В первом случае оно осуществляется целиком путём перераспределения: доходы выше среднего уровня облагаются налогом, пропорциональным разности между фактическим и среднедушевым доходом. Во втором случае половина средств обеспечивается за счёт государства (налогов на юридических лиц), а другая половина – из поступлений от налогов на физических лиц с доходами выше среднего уровня.

Мы предложили три варианта прогноза численности населения России до 2050 г. Первый вариант учитывает только эффект экономического роста и продолжения действующей системы государственной поддержки рождаемости. По этому варианту население сократится до 124 млн. человек. Второй вариант предусматривает совместный эффект экономического роста и перераспределения доходов по описанной выше схеме за счёт налога на физических лиц с высокими доходами. Предполагается, что перераспределительные меры будут вводиться постепенно, начиная с 2008 г. до 2011 г. В результате к 2050 г. население России должно увеличиться до 158.7 млн. человек, то есть прирост численности составит примерно 16.4 млн.

Третий вариант аналогичен второму с той разницей, что расходы по компенсации низких доходов делятся пополам между государством и высокодоходными группами (путём налогообложения). В этом случае численность населения предположительно возрастёт к 2050 г. до 161.3 млн., то есть прирост достигнет почти 19 млн.

Эти цифры могут показаться фантастическими, но к ним надо относиться не как конкретному прогнозу, а как к оценке эффективности влияния указанных мер на демографический рост. Конечно, нужно произвести корректировку результатов на более детальной модели с учётом региональной специфики, конкретной динамики реформирования распределительных отношений и т.п. Но главное, что следует осознать: принятый ныне у нас порог бедности в 2.5–3 раза ниже той границы доходов, за которой возникают напряжения и дисфункции человеческого поведения. В настоящее время более 60% населения не могут реализовать свои репродуктивные намерения именно в силу социально-экономических ограничений. Учитывая этот факт, а также результаты социологических опросов, которые сви-

Таблица 5. Оптимальные трансферты (положительные числа) и налоги (отрицательные числа) по децильным группам, % от дохода

Децильные группы	Темпы роста реальных доходов, %					
	0	10	20	30	40	50
1	232.8	240.5	214.0	194.2	174.7	158.4
2	90.1	88.7	75.6	64.6	55.1	46.8
3	49.7	46.4	36.7	28.3	21.3	15.5
4	22.9	18.0	10.7	4.4	-0.2	-0.5
5	4.2	-0.3	-1.1	-1.4	-1.4	-1.5
6	-2.4	-3.1	-3.0	-2.9	-2.6	-2.4
7	-5.2	-5.4	-4.8	-4.1	-3.5	-3.0
8	-7.6	-7.3	-6.1	-5.1	-4.2	-3.6
9	-9.6	-8.9	-7.3	-6.0	-4.9	-4.1
10	-11.7	-10.7	-8.6	-6.9	-5.5	-4.7
Естественный прирост населения	2.7	3.3	3.8	4.2	4.5	4.7

детельствуют, что семей, желающих стать многодетными, в 5 раз больше их фактического числа, прогнозные оценки уже не выглядят абсолютно нереальными.

Таким образом, депопуляция в России – не фатальный процесс, как пытаются убедить нас некоторые исследователи и политики. *Решение демографических проблем возможно, причём речь идёт не только о стабилизации численности населения, но и об обеспечении его естественного прироста.*

Какие же выводы следуют из сказанного выше для разработки эффективной социальной политики? Обратим внимание на рисунок 8, где пока-

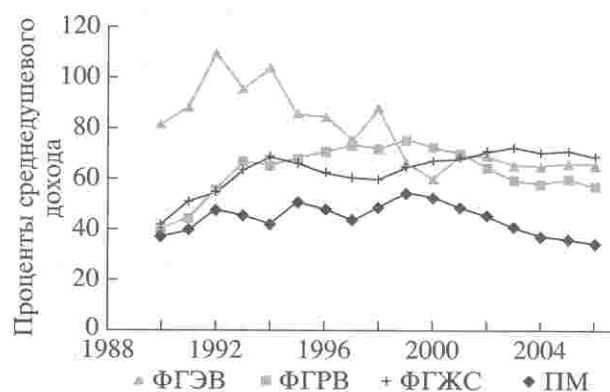

Рис. 8. Функциональные границы по экономическим (ФГЭВ) и репродуктивным (ФГРВ) возможностям, по жизнеспособности (ФГЖС) и прожиточный минимум, % от среднедушевого дохода

Таблица 6. Необходимые изменения денежных душевых доходов по децильным группам, % к настоящему денежному доходу

Децильные (10-процентные) группы населения	Американский стандарт	Европейский стандарт
Первая	134.5	292.4
Вторая	124.9	217.7
Третья	119.6	184.0
Четвёртая	115.4	160.6
Пятая	111.8	142.1
Шестая	108.5	126.5
Седьмая	105.1	111.9
Восьмая	101.5	102.4
Девятая	97.0	82.1
Десятая	87.3	55.7

заны функциональные границы: а) по экономическим возможностям – соответствующие функции экономического роста (а темп роста определяется разностью между нормальным и избыточным неравенством); б) по репродуктивным возможностям – соответствующие функции деторождения (коэффициент рождаемости определяется разностью между нормальным и избыточным неравенством); с) по жизнеспособности – соответствующие функции продолжительной жизни (коэффициент смертности, наоборот, определяется разностью между избыточным и нормальным неравенством).

Совместный анализ функциональных границ и соотношения доходов децильных групп свидетельствует:

- значения границ в 2–2.5 раза выше прожиточного минимума и составляют 60–70% среднего душевого дохода;

- доходы более 60% населения ниже этих границ, что не позволяет эффективно реализовать свой потенциал в экономической и репродуктивной сфере, поддерживать здоровье.

Подтягивание доходов этих групп населения (по сути, его большинства) до уровня функциональных границ за счёт дополнительных ресурсов (увеличение социальных трансфертов и зарплат) не решает проблемы, так как, с одной стороны, подобные меры не оказывают заметного влияния на неравенство и относительную бедность, а с другой – несут в себе опасность роста инфляции и, что самое главное, не устраняют причин *воспроизводства чрезмерного неравенства и относительной бедности*. Важно отметить, что настройка распределительных механизмов на оптимальные с точки зрения экономиче-

ского и демографического роста показатели неравенства не предполагает радикального перераспределения доходов: может быть затронуто не более 6–9% от их общей массы.

Чтобы понять порядок отличий и направление необходимых изменений по сравнению с развитыми странами, мы пошли по пути сопоставления параметров распределения доходов населения РФ и стандартов, приближенных к американскому и европейскому. В таблице 6 показаны нехватка или избыток денежных среднелюдиных доходов в РФ. Итак, оптимальные с точки зрения увеличения темпов экономического и демографического роста параметры перераспределения доходов в РФ отличаются от стандартов развитых стран незначительно: коэффициент дифференциации находится в пределах 7–10, перераспределение сокращает доходы только 10–15% богатого населения, не превышая принятых в странах ЕС и США налоговых ставок, обеспечивает значительную прибавку малоимущим, а главное – не влечёт за собой увеличения денежной массы и инфляции.

Таким образом, основной путь корректировки распределительных механизмов – это перераспределение доходов в системе “налогообложение–социальные льготы”. В странах с рыночной экономикой уже в течение длительного времени государством осуществляются меры по выравниванию материального положения групп населения, различающихся по доходу, и эта система признаётся наиболее важной частью механизма перераспределения доходов. Эффективность государственного регулирования в этой области демонстрируют Соединённые Штаты: выравнивание распределения доходов позволяет снизить децильный коэффициент в 4.5 раза (с 67.6 до 14.7) при переходе от первоначальных рыночных к располагаемым доходам.

Следует иметь в виду, что налоги приобретают подлинно социальный смысл только в том случае, когда они обеспечивают перелив части доходов тех, кто имеет относительный избыток, на покрытие нужд тех, кто испытывает относительный недостаток и лишения. С этой точки зрения принятый у нас сейчас единый социальный налог с его регрессивной шкалой – *антисоциален*. Плоский подоходный налог также антисоциален, поскольку им одинаково облагаются и те, кто не располагает даже прожиточным минимумом, и те, чьи доходы в десятки, сотни или тысячи раз этот минимум превосходят. Замечу, что после нескольких лет использования плоской шкалы подоходного налога объём скрытой оплаты труда продолжает составлять всё те же 11% ВВП, как и в период применения прогрессивной шкалы. К сожалению, власти пока не понимают этой проблемы.

* * *

В заключение сформулирую основные выводы, которые следуют из наших исследований.

1. Социально-экономическое неравенство — принципиально важный фактор экономической динамики и динамики демографических процессов.

2. Избыточное социально-экономическое неравенство в России достигло угрожающих размеров и является основным препятствием для расширенного воспроизводства человеческого капитала и ускорения темпов экономического роста.

3. Показатели неравенства и относительной бедности должны стать *ключевым ориентиром* согласованной экономической, социальной и институциональной политики.

4. Без радикального пересмотра распределительных отношений — *увеличения налоговой нагрузки на сверхдоходы и повышения доходов малоимущих* до уровня, соответствующего нормам социального государства, — проблему нарастающей относительной бедности и расширяющегося разрыва между бедными и богатыми решить невозможно.

5. Для России оптимальные как с точки зрения экономического роста, так и с точки зрения демографической динамики показатели неравенства находятся в пределах 7–9 для коэффициента дифференциации и не требуют каких-либо мер, выходящих за рамки принятых в развитых странах нормативов по ограничению доходов богатых слоёв населения.

6. В случае корректировки распределительных механизмов в рамках системы «налогообложение—социальные льготы» не происходит увеличения денежной массы, не усиливается опасность инфляции и, что самое главное, по мере экономического роста *не наблюдается нарастания диспропорций неравенства и бедности*.

Детальная проработка затронутых проблем, в том числе в региональном аспекте, уточнение конкретных прогнозных расчётов, системная увязка мероприятий демографической политики в единую целевую программу, естественно, требуют дальнейших исследований. Но уже сегодня можно утверждать: сложившаяся в России социальная и демографическая ситуация не является объективно неизбежной, она может и должна быть преодолена на основе научно и системно обоснованной политики государства.

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, грант № 06-02-00205а.

После выступления А.Ю. Шевяков ответил на вопросы.

Доктор физико-математических наук **В.Ф. Вдовин**: Знают ли в правительстве, в частности но-

вый министр Голикова, о ваших разработках и выводах? Ещё один вопрос: проводили ли вы подобные исследования контингента работников Российской академии наук, есть ли данные о раслоении и поляризации сотрудников по доходу?

А.Ю. Шевяков: Я выступал в Государственной думе, записки по этой проблеме были посланы в Минфин, МРЭТ, Минсоцразвития. Полученные ответы из этих ведомств свидетельствуют о полном непонимании или нежелании понимать либо ставить эту проблему. В качестве основного аргумента против мне указывают, что народу обещали установить плоскую шкалу налогов — как же можно её отменить? Моё возражение о том, что 85% народа от этого страдает, осталось без ответа. Думаю, не последнюю роль здесь играет удобство сбора налогов. Увеличения собираемости налогов не произошло, по нашим данным, «серые» зарплаты продолжают расти. Плоская шкала налогообложения нецелесообразна с точки зрения макроэкономических процессов и социальных отношений.

Что касается Академии наук, то мы этим специально не занимались, но при желании собрать и обработать соответствующую информацию можно.

Академик **Ж.И. Алфёров**: Я недавно услышал, что относительно распределения доходов в мире существует такое образное выражение, как «бокал шампанского». Имеется в виду, что 10% наиболее беднейшего населения располагают 1.4% богатства общества, а 10% самых богатых — 87%. Соотношение между богатыми и бедными по обеспеченности составляло в 2002 г. 60 : 1. Какую форму имеет «бокал шампанского» в России?

А.Ю. Шевяков: Вы говорите о собственности, а я рассказывал о текущих доходах. Это не одно и то же. По нашим оценкам, доходы верхних и нижних групп в среднем по России различаются более чем в 30 раз, а по Москве — в 60 раз. Росстат даёт более скромные цифры: 15 и 50 раз соответственно. Можно много говорить о том, чем объясняются эти расхождения, но, как я постарался показать в своём выступлении, у нас нет механизма сокращения неравенства. Коэффициент неравенства по заработной плате, который рассчитывается на основе сплошного обследования, составляет 30. За счёт чего он может уменьшиться в 2 раза? Наоборот, по нашей оценке, основанной на специальном исследовании, скрытые доходы и расходы населения достигали в 2004 г. 30% — в добавление к официальным доходам. Но и здесь распределение в пользу богатых: 60% «надбавки» к зарплатам приходилось на высокодоходные группы и только 2–3% — на низкодоходные. Поэтому реальная дифференциация выше даже наших оценок. Если же учесть абсолютно скрытые доходы, которые официальная статистика уловить не может и которые уплывают за рубеж, то окажется,